

Книги о тех,
кто спасает
жизни

КОМПАС СЕРДЦА

история о том, как обычный мальчик
стал великим хирургом, разгадав
тайны мозга и секреты сердца

Д Ж Е Й М С Д О Т И

Доктор медицины, профессор кафедры
нейрохирургии в Стэнфордском университете

Медицина без границ. Книги о тех, кто спасает жизни

Джеймс Доти

**Компас сердца. История о том,
как обычный мальчик стал
великим хирургом, разгадав
тайны мозга и секреты сердца**

«ЭКСМО»

2016

УДК 617(092)(73)

ББК 5г

Доти Д.

Компас сердца. История о том, как обычный мальчик стал великим хирургом, разгадав тайны мозга и секреты сердца / Д. Доти — «Эксмо», 2016 — (Медицина без границ. Книги о тех, кто спасает жизни)

ISBN 978-5-699-90126-5

Пролистав первые страницы книги Джеймса Доти, читатель наверняка подумает, что перед ним – очередные мемуары врача. И... ошибется. Ознакомившись с первыми главами, читатель решит, что перед ним – очередная мотивационная книга, в которой рассказывается, «как заработать миллион». И... опять ошибется. Да, есть в книге и воспоминания об успешных операциях на головном мозге, и практикум по визуализации желаний, и история бедного мальчишки из американского захолустья, который получил все, что захотел, включая пресловутый миллион, а точнее десятки миллионов. Но автор пошел гораздо дальше: он рассказал, что делать в ситуации, когда заветная мечта исполнилась, а счастья в жизни так и прибавилось.

УДК 617(092)(73)

ББК 5г

ISBN 978-5-699-90126-5

© Доти Д., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Медицина без границ	6
Отзывы	8
Вступление: прекрасные вещи	11
Часть первая	15
1	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Джеймс Доти
Компас сердца

***История о том, как обычный мальчик
стал великим хирургом, разгадав
тайны мозга и секреты сердца***

James R. Doty, MD

INTO THE MAGIC SHOP. A NEUROSURGEON'S QUEST TO DISCOVER THE
MYSTERIES OF THE BRAIN AND THE SECRETS OF THE HEART

Copyright © 2016 by James R. Doty

All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form. This
edition published by arrangement with Avery, an imprint of Penguin Publishing Group, a division
of Penguin Random House LLC

Под рецензией А. Л. Звонкова

Серия «Медицина без границ. Книги о тех, кто спасает жизни»

© Иван Чорный, перевод на русский язык, 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Медицина без границ

Не навреди. Истории о жизни, смерти и нейрохирургии

Каково это – быть ответственным за жизнь и здоровье человека? Где черпают силы люди, от которых зависит так много? Генри Марш, всемирно известный нейрохирург, создал предельно откровенную и пронзительную книгу. Эта книга – о буднях нейрохирурга, его работе и его выборе, за кого из пациентов бороться, а кого отпустить.

Призвание. О выборе, долге и нейрохирургии

Продолжение бестселлера «Не навреди»! В ней все то, что полюбили читатели первой книги: и будни врача, и сложнейшие операции в экстремальных условиях, и проблема выбора, и размышления о своих ошибках и провалах, а также о чувстве вины – о том, как примириться с собой и с тем, что ты всего лишь человек? Знаменитый доктор Марш дает ответ на все вопросы.

Когда дыхание растворяется в воздухе. Иногда судьбе все равно, что ты врач

Читайте самую ожидаемую нон-фикшн книгу года. Пол Каланити – не только талантливый нейрохирург, но и великий писатель, успевший написать всего одну книгу. Полу было всего 36 лет, когда смерть, с которой он боролся в операционной, постучалась к нему самому. Диагноз – рак легких, четвертая стадия – вмиг перечеркнул всего его планы. История с жизнеутверждающим стержнем и глубочайшими, но простыми истинами.

Влюбиться в жизнь. Как научиться жить снова, когда ты почти уничтожен депрессией

Бестселлер № 1 по версии Sunday Times. Мэтт Хейг – британский журналист и писатель, рассказывает про свой личный опыт жизни и борьбы с депрессией, дает рекомендации и список причин, которые помогали ему жить дальше. Книга будет полезна не только тем, кто борется с болезнью, но и тем, кто подавлен серыми будничными днями. А также научит здоровых людей правильно вести себя с теми, у кого депрессия.

ОТЗЫВЫ

«Эта книга рассказывает замечательную историю нейрохирурга, стремящегося разгадать тайну связи между нашим мозгом и сердцем. Жизнь Джеймса Доти показывает, что каждый из нас может сделать мир более сострадательным. Я уверен, что многие читатели будут тронуты этой вдохновляющей историей, смогут открыть свои сердца и увидеть, что они тоже могут помогать другим».

Его Святейшество Далай-лама

«“Компас сердца” – это просто чудо! То, что ребенок из такой бедной семьи смог стать профессором нейрохирургии и основателем центра по изучению сострадания и альтруизма, а также предпринимателем и филантропом, само по себе довольно поразительно, однако именно лирическое описание Доти его жизни вкупе с его желанием поделиться тем, чему он научился на ее протяжении, делает эту книгу жемчужиной».

Абрахам Вергезе,

доктор медицины, автор «Cutting for Stone».

«Раз в поколение находится человек, способный так изложить свою загадочную жизнь, что это захватывает воображение других людей и вдохновляет их обратиться к самым глубинам своей души, воплотить лучшее, что в них только заложено. В этой книге полно магии, однако самое главное чудо заключается в том, что Джиму помогли встать на этот путь в возрасте двенадцати лет, и он доверился ему достаточно для того, чтобы так никогда полностью с него не сбиться, даже в самые тяжелые времена своей жизни. Смотрите, во что это теперь обернулось».

Джон Кабат-Зинн,

PhD, автор «Самоучитель по исцелению»

«Когда ведущий нейрохирург открывает свое сердце, чтобы поговорить о своем тяжелом детстве, полном одиночества, страха, гнева и стыда, рождается невероятно трогательная и поучительная история о страданиях и уязвимости человеческого разума. Эта прекрасно написанная, чрезвычайно оригинальная и невероятно трогательная книга – практическое руководство по «магическим» приемам для успокоения и развития своего разума. Здесь рассказывается, как совладать с непростой реальностью жизни, с которой каждому из нас приходится сталкиваться. Зерна сострадания были посеяны – теперь нужно их вырастить».

Пол Гилберт,

PhD, OBE, автор «The Compassionate Mind»

«Настоящее исцеление происходит одновременно и на биологическом, и на духовном уровнях. Когда человек испытывает истинную любовь и чувство сострадания, его организм переходит в состояние гомеостаза и саморегуляции. Исцеляя себя, исцеляешь и окружающих. Обратное тоже верно. Совершая

добрые поступки и проявляя сострадание, мы исцеляем этот мир. В этой исключительной книге доктор Джеймс Доти показывает, как это делать».

Дипак Чопра,

доктор медицины, соавтор книги «Совершенный мозг»

««Компас сердца» – трогательная и вдохновляющая история про преобразование. Она учит нас быть добрее и проявлять больше сострадания».

Пол Экман,

PhD, автор книги «Психология эмоций»

«Время от времени попадаете книга, от которой нельзя оторваться, пока не дочитаешь до конца. «Компас сердца» – одна из таких книг. У вас захватит дух от этой трогательной и увлекательной истории. Она вызовет у вас смех и слезы, потрясет ваш разум, распахнет ваше сердце и встряхнет вашу душу. Доктор Джеймс Доти, выдающийся нейрохирург, с помощью сдвоенного скальпеля мудрости и сострадания оперирует на нашем сознании. Он хирург души – атеист, который заставит вас воскликнуть «Бог ты мой!». Эта книга – всплеск милости и просветления».

Раввин Ирвин Кула,

сопрезидент национального центра иудаизма

«Джим написал по-настоящему удивительную книгу. Он делится с нами подробностями своего тяжелого детства, наполненного болью, отчаянием и стыдом, рассказывает о том, как ему был показан путь к самореализации, любви и мудрости. «В лавке чудес» делится с каждым из нас этим даром. Я преклоняюсь перед тем, насколько искусно Джим передает нам его посредством магии этой книги.

Шерон Зальцберг,

автор книги «Медитации для молодости, снятия стресса и укрепления отношений»

«Захватывающий рассказ, наглядно демонстрирующий, как с помощью сострадания можно изменить не только жизнь отдельного человека, но и целый мир. Яркая и трогательная книга».

Чип Конли,

автор книги «Эмоциональные уравнения. Простые формулы счастья и успеха»

«Яркая книга доктора Доти наглядно демонстрирует, что вера и сострадание выходят далеко за рамки религии, расовой или национальной принадлежности, что они способны помочь отдельному человеку преодолеть жизненные трудности и ограничивающие обстоятельства. Она вдохновляет».

Шри Шри Рави Шанкар,

духовный лидер и основатель международной организации «Искусство жизни»

«Я не могу вспомнить ни одной другой книги, в которой были бы также гениально изложены все перипетии жизни автора: история ребенка из благополучной семьи, ставшего блестящим нейрохирургом и богатым предпринимателем, трогает до глубины души – сначала он спасал жизни своих пациентов с помощью скальпеля, а затем стал обогащать жизни окружающих

посредством своего полного сострадания сердца. Глубокая, трогательная и полная эмоций книга»

Филип Зимбардо,

PhD, автор книги «Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев»

«Редко когда книга захватывала меня так быстро и так сильно – я не мог от нее оторваться. «Компас сердца» демонстрирует, чего можно добиться с помощью отзывчивого сердца и храброго духа».

Марси Шимофф,

автор книг «Счастье без причины. Как добиваться всего несмотря ни на что», «Магнит любви. Как притянуть в свою жизнь любовь, гармонию и счастье»

«В этой прекрасной и глубокой книге доктор Доти на примере своей жизни преподносит самые важные уроки: что счастье невозможно без страданий, что сострадание рождается из понимания наших собственных мучений и мучений окружающих, и что только чувство сострадания способно принести настоящее счастье».

Тим Нат Хан,

автор книги «Мир в каждом шаге. Путь осознанности в повседневной жизни».

Рут и всем тем, кто, подобно ей, щедро делится своей мудростью и пронизательностью с окружающими.

Его Святейшеству Далай-ламе, который продолжает учить меня сущности сострадания.

Моей жене, Маше, и моим детям, Дженнифер, Себастьяну и Александру, которые вдохновляют меня каждый день.

Вступление: прекрасные вещи

Скальп сдвигается с черепа с особым звуком – словно открывается большая застёжка-липучка. Звук получается громкий, агрессивный и немного печальный. На медицинском факультете не изучают звуки и запахи, сопровождающие нейрохирургическую операцию. А стоило бы. Жужжание массивного сверла, вгрызающегося в череп. Запах летних опилок, которым наполняется операционная, когда медицинская пила пилит кость между только что просверленными отверстиями. Чпокающий звук, когда вынимаешь кусок черепа и тот отходит от твердой мозговой оболочки – эдакого плотного мешочка, покрывающего мозг и служащего для него последним защитным рубежом, который отделяет его от внешнего мира. Ножницы неторопливо разрезают эту оболочку. Черепная коробка вскрыта, и отчетливо видно, как мозг пульсирует с каждым ударом сердца, а иногда даже кажется, что он стонет, словно чувствуя свою уязвимость и протестуя против того, что оказался обнаженным, – его секреты теперь на виду у всех под резким светом операционной.

Мальчик, ожидающий операции, выглядит слишком маленьким в больничной рубашке.

Человеческий мозг – одно из самых прекрасных явлений, которые мне доводилось видеть, и я высоко ценю возможность исследовать его тайны и пытаться всяческими способами исцелить его.

– Бабушка помолилась за меня. Она помолилась и за вас тоже.

Я слышу, как при этих словах его мать резко вдыхает и выдыхает, и я знаю, что она пытается держаться мужественно ради сына. Ради самой себя. Возможно, даже ради меня. Я треплю его волосы. Они каштановые, длинные и тонкие... совсем еще малыш. Он говорит, что недавно у него был день рождения.

– Хочешь, я объясню тебе, что произойдет сегодня, чемпион? Или ты готов? – Ему нравится, когда я зову его чемпионом или приятелем.

– Я сейчас усну, а вы достанете эту гадкую штуку у меня из головы, чтобы она больше не причиняла мне боли. После этого я снова увижу маму и бабушку.

«Гадкая штука» – это медуллобластома, самый распространенный вид злокачественной опухоли мозга у детей, и располагается она в задней черепной ямке – прямо у основания черепа. Слово «медуллобластома» и взрослому-то непросто произнести, что уж говорить о четырехлетнем ребенке, каким бы одаренным он ни был. К тому же детские опухоли мозга – действительно гадкие штуки, так что я ничего не имею против такого названия. Медуллобластомы те еще уродливые паразиты, своим безобразным видом нарушающие изящную симметрию головного мозга. Они зарождаются между двумя долями мозжечка и растут, постепенно сдавливая не только мозжечок, но и ствол головного мозга, пока в конечном счете не начинают мешать циркуляции жидкости в мозге. Человеческий мозг – одно из самых прекрасных явлений, которые мне доводилось видеть, и я высоко ценю возможность исследовать его тайны и пытаться всяческими способами исцелить его.

– Что ж, по мне, так ты готов. А теперь я надену свою маску супергероя, и мы встретимся с тобой в яркой комнате.

Он улыбается мне в ответ. Хирургические маски и операционные могут напугать любого ребенка. Поэтому сегодня я буду называть их маской супергероя и яркой комнатой, чтобы мальчику не было страшно. Разум человека – забавная штука, но я не собираюсь объяснять четырехлетнему малышу ненужные подробности. Среди самых мудрых пациентов – да и людей в целом, – которых я когда-либо встречал, было немало детей. У ребенка открытое сердце. Дети всегда говорят, что их пугает, а что делает счастливыми, что им в тебе нравится, а что

нет. Они ничего не скрывают, и тебе никогда не приходится гадать, что же они думают или чувствуют на самом деле.

Мама мальчика верит в меня. Бабушка верит в Бога. Я верю в свою команду.

Мы сделаем все, чтобы спасти его.

Я поворачиваюсь к его матери и бабушке:

– По мере надобности вам будут сообщать о том, как проходит операция. Я планирую провести полную резекцию и думаю, что все пройдет без осложнений.

Это не просто успокоительная банальность, которую хирурги говорят перед операцией, зная, что родственники пациента хотят услышать нечто подобное. Я действительно рассчитываю аккуратно провести успешную операцию и полностью удалить опухоль, а после отправить ее небольшой кусочек в лабораторию, чтобы там определили, насколько гадкая эта «гадкая штука».

Я понимаю, что мать и бабушка мальчика напуганы. Я по очереди беру их за руку, чтобы немного успокоить и подбодрить. Это никогда не дается легко. Головная боль, тревожащая малыша по утрам, стала настоящим кошмаром для родителей. Его мать верит в меня. Бабушка верит в Бога. Я верю в свою команду.

Вместе мы попытаемся спасти жизнь этому мальчику.

* * *

После того как анестезиолог погружает мальчика в наркоз, я кладу маленького пациента лицом вниз и закрепляю его голову в стереотаксической раме. Я достаю машинку для стрижки волос. Хотя обычно подготовкой пациентов к операции занимается медсестра, я предпочитаю брить им голову сам. Такой у меня ритуал. Итак, я неторопливо приступаю к стрижке, думая об этом драгоценном маленьком мальчике и прокручивая в уме все детали предстоящей операции. Я срезаю первую прядь волос и протягиваю ассистенту, чтобы тот положил ее в пакетик, предназначенный для матери ребенка. Это первая стрижка малыша, и пускай прямо сейчас его мать думает о чем угодно другом, позже – я знаю – ей будет важно сохранить эту прядь.

Первая стрижка – одно из тех событий в жизни ребенка, которое хочется запомнить. Первая стрижка. Первый выпавший зуб. Первый день в школе. Первая поездка на велосипеде. Первая операция на мозге обычно не входит в этот список.

Я аккуратно срезаю тонкие светло-каштановые локоны, надеясь, что моему маленькому пациенту удастся испытать все это. Мысленно я вижу его щербатую улыбку. Я вижу, как он идет в первый класс с рюкзаком чуть ли не больше его самого. Я вижу, как он впервые едет на велосипеде – впервые испытывает волнующее чувство свободы, исступленно крутя педали, а его волосы развеваются на ветру. Я думаю и о собственных детях, продолжая стричь его волосы. Зрительные образы всех этих событий предельно отчетливы, и я даже представить себе не могу, что может быть по-другому. Я не хочу видеть в его будущем больницу, лечение рака и дополнительные операции. Ребенка, пережившего опухоль мозга, непременно будут наблюдать врачи, однако я отказываюсь видеть его таким, каким он был прежде. С тошнотой и рвотой. Падающим на ровном месте. Просыпающимся на рассвете с криками о помощи, потому что «гадкая штука» давит на мозг, причиняя боль. В жизни и без того хватает горя. Я срезаю ровно столько волос, чтобы они не мешали моей непосредственной работе, а затем отмечаю две точки у основания черепа – здесь мы сделаем разрез – и провожу между ними прямую линию.

Любая операция на мозге сложна, а операция на задней черепной ямке сложна вдвойне, особенно когда на операционном столе маленький ребенок. Размер опухоли велик, и хирург работает медленно и скрупулезно. На протяжении часов глаза смотрят в микроскоп, фокусируясь на одной точке. Хирурги учатся игнорировать реакции своего организма во время операции. Мы не выходим в туалет. Мы не едим. Мы не обращаем внимания на зуд в спине и судороги в мышцах. Помню свой первый раз в операционной, когда я ассистировал известному хирургу, славившемуся не только талантом, но также агрессивностью и заносчивостью. Стоя рядом с ним, я сильно нервничал, и пот струился у меня по лицу. Я тяжело дышал под хирургической маской, и мои очки запотели. Мне не было видно ни инструментов, ни операционного поля. Я так усердно учился и работал, столько всего преодолел – и вот теперь, участвуя в настоящей операции (как всегда мечтал), не мог ничего разглядеть!

А затем произошло невообразимое. Огромная капля пота скатилась у меня по лицу и упала прямо на стерильное операционное поле. Мой наставник обезумел от ярости. Это была моя первая операция, и она должна была стать одним из самых запоминающихся моментов в моей жизни, однако вместо этого меня быстро вытурили из операционной. Этот эпизод навсегда отпечатался у меня в памяти.

Сейчас мой лоб прохладен, и мне все прекрасно видно. Пульс медленный и равномерный. Все приходит с опытом. В операционной я не беру на себя роль диктатора. Во мне нет агрессии или заносчивости. Я одинаково ценю всех членов команды: каждый из них незаменим, каждый сосредоточен на своей задаче.

Анестезиолог следит за кровяным давлением пациента и содержанием кислорода, за уровнем его сознания и сердечным ритмом.

Хирургическая сестра занята инструментами и вспомогательными материалами, с тем чтобы все необходимое непременно было у меня под рукой. К шторкам прикреплен большой пакет: он свисает у мальчика под головой, собирая стекающую кровь и жидкость для промывания. К пакету крепится трубка, ведущая к большому аспирационному аппарату, который непрерывно измеряет количество поступившей в него жидкости, чтобы мы в любой момент могли узнать, сколько именно крови потерял пациент.

Мне ассистирует ординатор, проходящий стажировку по специальности. Он работает с нами недавно, однако не меньше меня сосредоточен на кровеносных сосудах и тканях мозга, а также на всех деталях столь сложного процесса, как удаление опухоли.

Мы не можем позволить себе думать о планах на следующий день, о больничных правилах, о своих детях или о домашних проблемах. Мы становимся сверхбдительными, полностью сосредотачиваясь только на операции, – это даже чем-то напоминает медитацию. Мы тренируем собственный разум, а разум, в свою очередь, тренирует тело.

В хорошей операционной бригаде все работают синхронно, и операция протекает на удивление плавно и ритмично. Наши тела и головы действуют сообща, словно нами руководит один большой коллективный разум.

Я удаляю последний кусочек опухоли, который прикреплен к одной из крупных эмиссарных вен, залегающих глубоко в тканях мозга. Кровеносная система задней черепной ямки невероятно развита, и мой ассистент непрерывно отсасывает жидкость, пока я аккуратно отсекаю остатки опухоли. Он отвлекается буквально на мгновение, и в это же мгновение отсос разрывает вену. На долю секунды все замирает.

А потом все выходит из-под контроля.

Кровь из разорванной вены заполняет полость резекции и начинает литься из вскрытой головы. Анестезиолог кричит, что кровяное давление быстро падает и он ничего не может поделать с потерей крови. Мне нужно зажать вену и остановить кровотечение, но она залита кровью, и я ничего не вижу. Моего отсоса недостаточно, чтобы справиться с кровотечением, а у ассистента руки трясутся так, что он ничем не в состоянии помочь.

– Полная остановка сердца!¹ – орет анестезиолог.

Он протискивается под операционный стол, потому что голова мальчика зафиксирована в стереотаксической раме лицом вниз и мы не можем перевернуть его на спину, так как задняя часть черепа вскрыта. Анестезиолог начинает выполнять непрямой массаж сердца, одной рукой сдавливая малышу грудь, а другой придерживая его за спину, – он делает все возможное, чтобы сердце забилося вновь. Кто-то наполняет огромные капельницы жидкостями.

Наша судьба – в наших руках, и я не готов смириться с тем, что четырехлетнему мальчику суждено умереть на операционном столе.

Первостепенная и самая важная задача сердца – качать кровь, но сейчас этот волшебный насос, без которого невозможна жизнедеятельность организма, остановился. Четырехлетний мальчик истекает кровью на столе прямо передо мной. Пока анестезиолог проводит массаж сердца, рана на голове продолжает кровоточить. Необходимо во что бы то ни стало остановить кровотечение, иначе ребенок умрет. Мозг потребляет пятнадцать процентов всей крови, поступающей от сердца, и уже через пару минут после его остановки начинает умирать. Ему нужна кровь и, что важнее, содержащийся в ней кислород. В нашем распоряжении почти не остается времени. Они нужны друг другу – сердце и мозг.

Я отчаянно пытаюсь пережать вену, но ее никак не разглядеть через льющуюся кровь. Хотя голова мальчика и зафиксирована в одном положении, из-за массажа сердца она чуть шевелится. Операционная бригада, как и я, знает, что у нас мало времени. Анестезиолог поднимает на меня глаза, и я вижу в них страх: мы рискуем потерять этого ребенка. Сердечно-легочная реанимация сродни попытке завести машину с толкача на второй передаче – не очень надежный способ, особенно если учесть, что кровотечение так и не прекратилось. Мне приходится работать вслепую, и я решаюсь на то, что лежит за пределами здравого смысла, за пределами мастерства. Я начинаю делать то, чему научился десятилетия назад, – не в ординатуре, не в медицинском институте, а в подсобке магазинчика магии и волшебства посреди калифорнийской пустыни.

Я успокаиваю разум.

Я расслабляю тело.

Я представляю спрятанную от моего взора вену. Мысленным взором я вижу ее – пролегающую посреди других сосудов и нервов головного мозга. Я протягиваю к ней руку – вслепую, но четко осознавая: наш мир не ограничивается тем, что можно увидеть глазами, и каждый из нас способен сотворить нечто такое, что выходит за рамки привычных представлений. Я погружаю раскрытый зажим в лужицу крови, закрываю его и медленно убираю руку.

Кровотечение останавливается, а затем, словно издалека, я слышу, как кардиомонитор издает тихий сигнал. Поначалу он слабый, неуверенный, но постепенно становится отчетливым и ровным: сердце малыша возвращается к жизни.

Я чувствую, как мое собственное сердце начинает биться в такт с кардиомонитором.

Позже, в послеоперационной палате, я отдам матери моего маленького приятеля локоны, оставшиеся от его первой стрижки. А еще чуть позже он очнется от наркоза. С ним все будет хорошо. Уже через сорок восемь часов он сможет разговаривать и даже смеяться, и я скажу ему, что «гадкой штуки» больше нет.

¹ В отличие от фибрилляции (мелких неэффективных сокращений) это выражение означает отсутствие сокращений – асистолию, запустить сердце в этих условиях намного сложнее.

Часть первая В лавке чудес

1

Настоящее волшебство

Ланкастер, Калифорния, 1968 год

День, когда я заметил, что у меня пропал большой палец, начался как любой другой день тех летних каникул (осенью мне предстояло пойти в восьмой класс). С утра до вечера я катался по городу на велосипеде, даже когда было настолько жарко, что металлический руль нагревался, словно конфорка. Я постоянно ощущал во рту вкус пыли, песка и сорняков, которым удалось одолеть жаркое солнце пустыни и выжить, например чамисы и кактусы. У моей семьи было мало денег, и я зачастую бывал голоден. Мне не нравилось голодать. Мне не нравилось быть бедным.

Главным предметом гордости в Ланкастере считалось то, что годами двадцатью ранее Чак Йегер преодолел звуковой барьер на авиабазе Эдвардс, находившейся неподалеку. Целыми днями у нас над головой летали самолеты – проходили тренировки пилотов и испытания новых воздушных судов. Я частенько задумывался над тем, каково это – быть Чаком Йегером, который на Bell X-1 совершил то, что до него не удавалось ни одному человеку на свете. Каким ничтожно маленьким и жалким, должно быть, выглядел для него Ланкастер с тринадцатикилометровой высоты, к тому же промелькнувший с немыслимой прежде скоростью. Он даже мне казался маленьким и жалким, а ведь мои ноги, крутившие педали велосипеда, возвышались над землей всего на треть метра.

Итак, тем утром я заметил, что у меня пропал большой палец. Под кроватью я хранил деревянную коробку с самыми ценными вещами. Среди прочего там лежала тонкая тетрадка: в нее я записывал свои стихи, которые никому не показывал, и невероятные факты, которые случайно узнал (например, что каждый день в мире грабят двадцать банков; что змея может провести в спячке до трех лет; что в Индиане противозаконно давать сигарету обезьяне). Также в коробке была потрепанная книга Дейла Карнеги «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей» с загнутыми уголками на страницах, где описаны шесть способов понравиться людям. Я помнил их все наизусть.

- 1. Проявляйте искренний интерес к другим людям.**
- 2. Улыбайтесь.**
- 3. Помните, что звук своего имени необычайно сладостен и важен для каждого человека.**
- 4. Учитесь слушать. Призывайте окружающих рассказывать о себе.**
- 5. Говорите о том, что интересует вашего собеседника.**
- 6. Убеждайте собеседника в его важности и делайте это искренне.**

Я неизменно старался следовать всем этим принципам в общении с людьми, но всегда улыбался с закрытым ртом, потому что в раннем детстве выбил себе передний молочный зуб, ударившись верхней губой о кофейный столик. Из-за того падения коренной зуб на его месте вырос кривым и темно-коричневым. У моих родителей не было денег, чтобы исправить этот

косметический недостаток. Я стеснялся демонстрировать свой страшный зуб, так что по возможности держал рот закрытым.

Помимо книги в деревянной коробке хранился инвентарь для фокусов: колода крапленых карт, парочка специальных монет, которые превращались из пятицентовых в десятицентовые, и самое ценное – пластиковая насадка на большой палец в виде, собственно, большого пальца, в которую можно было спрятать шелковый шарф или сигарету. Я очень дорожил и книгой, и инвентарем фокусника: их подарил мне отец. Часами напролет я отрабатывал трюки с пластиковой насадкой. Учился держать руки так, чтобы ее никто не замечал, и ловко прятать в ней шарф или сигарету так, чтобы казалось, будто они волшебным образом пропали. Мне удавалось дурачить друзей и соседей. Но в тот день я не смог найти большой палец в коробке. Он исчез. Испарился. И меня это не радовало.

Брата, как обычно, не было дома, но я подумал, что он, возможно, взял палец или хотя бы знает, куда тот запропастился. Я понятия не имел, куда брат уходит каждый день, однако решил отправиться на его поиски. Пластиковая насадка на большой палец была самой ценной моей вещью. Без нее я был никем. И мне нужно было вернуть ее.

* * *

Я ехал вдоль одинокого стрип-молла² по Первой авеню; обычно я тут не катался, потому что ничего интересного тут не было – только пустынные поля, заросли сорняков и полутораклометровый забор из сетки-рабицы по обе стороны дороги. Я бросил взгляд на нескольких ребят постарше, стоявших перед продуктовым магазином, – брата среди них не было. Я вздохнул с облегчением: как правило, когда я встречал брата в компании других детей, это означало, что к нему пристают, и мне приходилось драться, чтобы защитить его. Он был на полтора года старше, но при этом ниже меня ростом, а задирам нравится доставать тех, кто не может дать сдачи. Сразу за рынком находился кабинет оптометриста, а рядом с ним оказался магазин, который я никогда раньше не видел, – лавка чудес «Ушки кролика». Я остановился на тротуаре напротив стрип-молла и уставился на магазинчик, от которого меня отделяла стоянка для машин. Его фасад представлял собой пять стеклянных панелей с расположенной слева стеклянной дверью. В стекле, покрытом грязными разводами, отражалось солнце, так что я не мог сказать, есть ли кто-нибудь внутри. Но все же я направился к входной двери в надежде, что магазин открыт. Мне было любопытно, продаются ли там пластиковые насадки на большой палец и если продаются, то почему. У меня не было с собой ни цента, но почему бы не проверить? Я прислонил велосипед к столбу перед магазином, мельком взглянув на ребят возле продуктового. Казалось, они не заметили ни меня, ни мой велосипед, так что я со спокойной душой оставил его у входа и толкнул дверь. Поначалу она не хотела двигаться с места, однако потом, словно по взмаху волшебной палочки, подалась и плавно открылась. Когда я зашел, над головой у меня зазвенел маленький колокольчик.

Первое, что я увидел, – это огромная стеклянная витрина, заставленная колодами карт, волшебными палочками, пластиковыми стаканами и золотыми монетами. Вдоль стен выстроились массивные черные ящики, которые, как я знал, применялись для фокусов на сцене, а также этажерки с книгами про магию и иллюзии. В углу нашлась даже мини-гильотина и два зеленых ящика, которые можно использовать, чтобы распилить человека пополам. Пожилая женщина с волнистыми каштановыми волосами читала книгу в мягком переплете, ее очки съехали на самый кончик носа. Не отрывая глаз от книги, она улыбнулась, а затем сняла очки, подняла голову и посмотрела мне прямо в глаза так, как ни один взрослый до того не смотрел.

² Стрип-молл – длинный одноэтажный торговый центр с парковкой, разделенный на секции, в которых размещаются магазины; обычно вдоль автотрасс. – *Здесь и далее примеч. пер.*

– Меня зовут Рут, – сказала она. – А тебя?

Улыбка у нее была такая широкая, а взгляд такой теплый, что я не удержался и улыбнулся в ответ, совершенно позабыв о кривом зубе.

– Джим, – ответил я.

Вплоть до того момента все звали меня Бобом: мое второе имя – Роберт (сейчас я уже не вспомню, почему ко мне обращались именно так). Тем не менее я почему-то произнес «Джим». И с тех пор я стал предпочитать это имя.

– Что ж, Джим. Рада, что ты зашел.

Я не знал, что сказать. Некоторое время она просто смотрела мне прямо в глаза, а потом вздохнула – это был скорее радостный вздох, чем печальный.

– Чем я могу тебе помочь?

Улыбка у Рут была такая широкая, а взгляд такой теплый, что я не удержался и улыбнулся в ответ, позабыв о кривом зубе.

На меня словно затмение нашло. Какую-то долю секунды я не мог вспомнить, зачем зашел в магазин. Я почувствовал нечто вроде того, что обычно испытываешь, когда слишком сильно отклоняешься на стуле и чуть не падаешь вместе с ним, но в последний момент восстанавливаешь равновесие. Рут, все так же улыбаясь, терпеливо ждала, пока я наконец не нашелся с ответом.

– Мой большой палец, – сказал я.

– Твой большой палец?

– Я потерял пластиковую насадку на большой палец. У вас такие продаются?

Она пожала плечами, словно не имея ни малейшего представления, о чем я таком говорю.

– Для фокусов. Ну знаете, насадка такая на большой палец, чтобы показывать фокусы.

– Открою тебе небольшой секрет, – сказала Рут. – Я ничего не знаю о фокусах.

Я огляделся по сторонам – кругом были самые разные приспособления для всевозможных трюков – а затем с удивлением посмотрел на нее.

– Это магазин моего сына, но он уехал по делам, и сейчас его нет. Я просто сижу тут, читаю и жду, пока он вернется. К сожалению, я не знаю ровным счетом ничего о фокусах или насадках на большой палец.

– Ничего страшного. Я тогда просто осмотрюсь.

– Разумеется. Не стесняйся, смотри что захочешь. И обязательно скажи мне, если найдешь, что искал. – Она рассмеялась, и, хотя я не совсем понимал, над чем именно она смеется, это был приятный смех, от которого у меня без всякой на то причины стало легко на душе.

Я бродил по магазину, рассматривая бесконечные колоды карт, различный реквизит для фокусов и книги. Отыскалась тут и витрина с пластиковыми большими пальцами. Я чувствовал на себе взгляд, но Рут смотрела на меня совсем не так, как парень, что владеет продуктовым магазинчиком рядом с нашим домом. Уверен: он всегда думал, что я хочу что-нибудь украсть, поэтому подозрительно следил за каждым моим шагом.

– Ты живешь в Ланкастере? – спросила Рут.

– Да, – ответил я, – но только в другом конце города. Я тут просто разыскивал брата, увидел ваш магазин и решил заглянуть.

– Тебе нравятся фокусы?

– Я их обожаю, – признался я.

– А что именно тебе в них нравится?

Я хотел было сказать, что это круто и весело, но из моих уст вырвалось нечто совершенно другое:

– Мне нравится тренироваться и достигать в чем-то мастерства. Я чувствую, что контролирую происходящее. Только от меня зависит, получится фокус или нет. И неважно, что говорит, делает или думает кто-то другой.

Какое-то время Рут молчала, и мне стало неловко оттого, что я все это ей выложил.

– Понимаю, что ты имеешь в виду, – наконец ответила она. – Расскажи мне про фокус с большим пальцем.

– Ну... Надеваешь на большой палец руки пластиковую насадку, только нужно ее немного замаскировать, иначе, если присмотреться, станет понятно, что это фальшивка. Насадка внутри полая, и можно ловким движением переместить ее с большого пальца в ладонь другой руки – вот так. – Я продемонстрировал классическое движение фокусника: схватил одну руку другой и скрестил пальцы между собой. – Нужно тайком переложить пластиковый наконечник в другую руку, теперь в него можно спрятать маленький шелковый шарфик или сигарету, а затем надо повторить движение и снова надеть насадку на большой палец. Только внутри ее уже будет то, что ты туда положил. Выглядит так, будто ты заставил предмет волшебным образом исчезнуть. Но можно сделать и наоборот, чтобы вещь как по волшебству появилась из ниоткуда.

– Понимаю, – сказала Рут. – И давно ты тренируешься?

– Уже несколько месяцев. Я тренируюсь каждый день, иногда по несколько минут, иногда по часу. Но каждый день без исключений. Поначалу было очень сложно, даже несмотря на книгу с инструкциями. Но потом стало все проще и проще. Любой может этому научиться.

– Вроде как неплохой фокус. Здорово, что ты тренируешься. Но знаешь ли ты, почему он срывается?

– Что вы имеете в виду?

– Почему, как тебе кажется, этот фокус такой убедительный? Ты же сам сказал, что пластиковый палец выглядит фальшивым. Так почему тебе удастся обмануть людей с его помощью?

Она внезапно посерьезнела, словно действительно захотела, чтобы я что-то объяснил ей. Я не привык к тому, что кто-то, особенно взрослый, просит меня чему-нибудь научить его или что-нибудь объяснить. Я ненадолго задумался.

Человеческий мозг – забавная штука.

Он видит то, что ожидает увидеть.

– Наверное, фокуснику удастся обмануть зрителей благодаря своему мастерству. Они не успевают следить за его ловкими руками. К тому же, когда показываешь фокусы, публику нужно отвлекать.

Рут рассмеялась.

– Отвлекать! Это просто замечательно. А ты очень умный. Хочешь узнать, что я думаю по этому поводу?

Она подождала, пока я отвечу, и меня снова удивило, что взрослый спрашивает моего разрешения, прежде чем сказать мне что-то.

– Конечно.

– Я полагаю, фокусы удаются, поскольку люди видят лишь то, что, как им кажется, должно быть перед ними, а не то, что есть на самом деле. Фокус с большим пальцем срывается, потому что человеческий мозг – забавная штука. Он видит то, что ожидает увидеть. Он ожидает увидеть настоящий палец, вот он и видит его. Мозг, каким бы загруженным он ни был, в действительности очень ленив. Ну и, конечно, как ты сказал, люди легко отвлекаются. Только отвлекаются они не на движение рук. Большинство людей, наблюдающих за выступлением фокусника, на самом деле не смотрят шоу. Они сожалеют о том, что сделали вчера, либо

переживают о том, что может случиться завтра. Их изначально нет на выступлении, так как же они вообще могут разглядеть пластиковый большой палец?

Я не совсем понял, о чем говорила Рут, но кивнул. Я решил подумать об этом потом. Прокрутить ее слова в голове, чтобы разобраться в их смысле.

– Не пойми меня неправильно. Я верю в волшебство. Но только не в то, для которого требуются хитроумный инвентарь и ловкость рук. Ты понимаешь, о каком волшебстве я говорю?

– Нет. Но звучит здорово.

Мне хотелось, чтобы она продолжала. Мне нравилось, что у нас получается настоящая беседа. Я чувствовал себя важным.

– Ты когда-нибудь делал фокусы с огнем?

– Ну, можно сделать фокус с большим пальцем, используя зажженную сигарету, хотя я так еще не пробовал. Чтобы зажечь сигарету, нужен огонь.

– Что ж, представь, что в твоих силах превратить слабый мерцающий огонек в огромное пламя, что-то вроде огненного шара.

– Круто! Как это сделать?

– В этом-то и волшебство. Можно превратить крошечный огонек в огромный огненный шар с помощью одной-единственной вещи – своего разума.

Я не знал, что она имеет в виду, но мне определенно понравилась эта мысль. Меня восхищали фокусники, умеющие гипнотизировать людей. Гнуть ложки силой разума. Левитировать.

Рут хлопнула в ладоши.

– Ты мне нравишься, Джим. Ты мне очень нравишься.

– Спасибо. – Было приятно услышать это от нее.

– Я пробуду в городе еще шесть недель, и если ты согласишься ежедневно приходить ко мне на протяжении всех этих шести недель, то я научу тебя кое-какому волшебству. Волшебству, которое не купишь в магазине и которое поможет появиться всему, что ты захочешь. На самом деле. Безо всяких там фокусов. Без пластиковых больших пальцев. Без ловкости рук. Как тебе?

– С какой стати вам это делать? – спросил я.

– Потому что я умею превращать огонек в пламя. Один человек как-то научил меня этому, и, думаю, настало время, чтобы я научила этому тебя. Я вижу, что ты особенный мальчик, и если ты будешь приходить сюда каждый день – не пропуская ни дня! – то и сам это увидишь. Обещаю. Придется хорошенько потрудиться, и тебе предстоит тренироваться даже больше, чем для фокуса с большим пальцем. Но я обещаю: то, чему я тебя научу, изменит твою жизнь.

Я не знал, что сказать. Никто и никогда прежде не называл меня особенным. Мне казалось, знай Рут правду обо мне и моей семье, она наверняка не подумала бы, что я особенный. Верил ли я, что она действительно научит меня доставать предметы из ниоткуда? Не знаю, но мне хотелось, чтобы беседы, подобные сегодняшней, продолжились. Мне было приятно находиться рядом с ней. Я чувствовал себя счастливым. Я чувствовал себя так, словно Рут меня любит; понимаю, звучит странно, ведь, по сути, она была совершенно незнакомым человеком. Она выглядела как типичная добрая бабушка – и только ее глаза не вписывались в этот образ. Ее взгляд обещал тайны, загадки и захватывающие приключения. Никаких других захватывающих событий тем летом не предвиделось, а тут меня предлагают научить тому, что может изменить мою жизнь! Весьма необычно. Я не знал, способна ли Рут на это, но терять мне было абсолютно нечего. И я ощутил прилив надежды, которой судьба меня не особенно баловала раньше.

– Что скажешь, Джим? Ты готов научиться настоящему волшебству?

Этот простой вопрос раз и навсегда изменил мой жизненный путь и мою судьбу, какой бы она ни была уготована мне ранее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.